A 165/421

2007044112

П 421. А 165/421

Къ исторіи русскаго просвѣщенія XVII в.

Не такъ давно предварительный комитетъ Высочайше разрѣшеннаго восьмаго археологическаго съѣзда издалъ небольшую программу вопросовъ, имѣющихъ быть затронутыми на съѣздѣ [1]). Просматривая эту программу, мы нашли въ ней не лишенный интереса вопросъ о *кіевскихъ ученыхъ въ Москвѣ въ половинѣ XVII вѣка* [2]). Это одинъ изъ тѣхъ вопросовъ, которые по своей общедоступности могутъ стать предметомъ вниманія читающей публики вообще, а не однихъ только спеціалистовъ. Вотъ почему ради сознательнаго отношенія къ тому, что намъ дадутъ новаго на съѣздѣ, мы сочли не лишнимъ и своевременнымъ познакомить читателей съ современнымъ состояніемъ этого вопроса.

Смута, поколебавшая московское государство въ началѣ XVII в., повела къ коренному перерожденію всѣхъ основъ русской жизни и къ возникновенію могучаго политическаго цѣлаго, составившаго крупное звено въ цѣпи европейской цивилизаціи. XVII-й вѣкъ,—время, послѣдовавшее за смутой, представляетъ эпоху перваго возникновенія этого звена, эпоху, правда нешумной, но за то неустанной работы, благодаря которой въ началѣ XVIII в. московское государство сразу становится уже европейскимъ политическимъ тѣломъ. Невзрачная по наружности Москва XVII

[1]) Восьмой съѣздъ археологическій въ Москвѣ 8-го января 1890 г. М. 1889 in 4⁰, стр. 24.

[2]) Ib. стр. 18, вопросъ 47.

М.П.М. БИБЛІОТЕКА

в. приняла на себя трудную и черную работу выработать для великаго преобразователя XVIII в. программу новой жизни по европейскому образцу. Выработка этой программы производилась не въ кабинетахъ идеологовъ и не въ клубахъ досужихъ крикуновъ; ею руководилъ здравый и практическій умъ московскаго правительства XVII вѣка, безъ устали шедшій и съ большимъ трудомъ поспѣвавшій за ходомъ новыхъ государственныхъ и церковныхъ потребностей. Послѣднія создали рядъ реформъ въ сферѣ государственной и церковной, проведеніе которыхъ требовало людей науки и практическаго знанія. Это привело правительство къ сознанію необходимости умственнаго и нравственнаго развитія. Такъ, почти исключительно по иниціативѣ правительства, которое въ нашей исторіи нерѣдко шло далеко впереди общества, является *школа*, долженствующая звучать въ ладъ съ практическими нуждами формирующагося европейскаго политическаго тѣла.

Итакъ, московскую школу XVII в. создали не идеальное стремленіе къ просвѣщенію, не потребность въ умственной выправкѣ и эстетическомъ комфортѣ, а простая практическая нужда, нужда въ ученыхъ справщикахъ книгъ священнаго писанія, въ образованныхъ переводчикахъ съ иностранныхъ языковъ, нужда въ ловкихъ бюрократахъ, въ знакомыхъ съ Европой дипломатахъ. Такой ходъ нашего развитія представляетъ ту рѣзкую индивидуальную особенность, которая отличаетъ Русь отъ ея почтенныхъ коллегъ въ европейскомъ „концертѣ“.

Внимательно изучая исторію заботъ московскаго правительства XVII в. о заведеніи школы, мы замѣчаемъ, что правительственныя школы XVII в. то и дѣло рождаются и умираютъ, на первый взглядъ не оставляя по себѣ никакихъ слѣдовъ. Только одна изъ нихъ уцѣлѣла отъ скораго разрушенія, и то—основанная уже въ концѣ вѣка. Это—такъ называемая славяно-греко-латинская академія царя Ѳедора и царевны Софьи, подъ именемъ московской духовной академіи [1]) дожившая до нашего поколѣнія, какъ живой свидѣтель того, что скромные труды мо-

[1]) Въ Троице-Сергіевой лаврѣ.

ковскаго правительства XVII вѣка не пропали даромъ. Но если школа XVII в. и не имѣла осязательныхъ результатовъ, то ея скрытое вліяніе было неотразимо. Правительство XVIII в. всецѣло усвоило себѣ идею практической ученой школы, унаслѣдованную отъ XVII в. Изъ всего вышесказаннаго, думаю, до нѣкоторой степени ясно, какое значеніе можетъ имѣть знакомство съ попытками московскаго правительства XVII в. завести школу. Зная эти попытки, осязательнѣе чувствуешь степень напряженія правительства XVII в. въ его трудномъ дѣлѣ и снисходительнѣе, но въ то же время критичнѣе, относишься къ его промахамъ и неудачамъ.

Откуда было взять лицъ, способныхъ принять на себя преподаваніе въ правительственной школѣ? Прежде всего, какъ и слѣдовало ожидать, учителей думали найти на православномъ Востокѣ. Первая московская правительственная школа (греко-славянская), основанная при патріархѣ Филаретѣ въ 1632 г., и имѣла учителемъ выходца съ Востока—Іосифа, протосингела александрійскаго патріарха. Этотъ Іосифъ, которому поручено было учить греческому языку и грамматикѣ „малыхъ робятъ“ на „учительномъ дворѣ“, недолго жилъ въ Москвѣ. 1 октября 1633 г. умеръ патріархъ Филаретъ; мѣсяца четыре съ небольшимъ спустя (вѣроятно, въ февралѣ 1634 г.) умеръ и первый московскій учитель эллинской мудрости Іосифъ. 24 февраля великій государь указалъ дать „своего государева жалованья въ Симоновъ монастырь по гречинѣ, по протосингелѣ Іосифѣ, вѣчный поминокъ для его многіе службы и иноземства 100 рублевъ“ (приблизительно 1400 р. на нашъ теперешній счетъ). Со смертью Іосифа школа, несомнѣнно, прекратила свое существованіе, такъ какъ: 1) дальнѣйшихъ извѣстій объ этой школѣ до сихъ поръ не найдено, а 2) присылки въ Москву греческихъ учителей (впрочемъ, неудачныя) и усиленные вызовы ихъ московскимъ правительствомъ продолжаются и 3) ко всему этому бывшій въ Москвѣ въ 1645 г. палеопатрасскій митрополитъ обращается въ посольскій приказъ съ челобитной о заведеніи на Москвѣ греческой школы. Значитъ, въ то время въ Москвѣ школы не было, иначе всѣ указанныя явленія оказались бы невозможными. Такъ,

первая московская правительственная школа просуществовала съ небольшимъ годъ. Она предназначалась для „малыхъ робятъ“; учителемъ въ ней былъ монахъ по положенію и грекъ по происхожденію; учили греческому и славянскому языкамъ и „грамматической хитрости“. Учитель получалъ за свои труды квартиру, одежду [1]) и 2500 руб. слишкомъ на наши деньги жалованья; словомъ, матеріально онъ находился въ положеніи теперешняго ординарнаго профессора университета, только работать ему приходилось нѣсколько больше, такъ какъ, помимо преподаванія въ школѣ, учитель числился еще правительственнымъ переводчикомъ греческихъ книгъ вообще и книгъ, написанныхъ на латинскую ересь въ частности. Правительство очень дорожило пріобрѣтеннымъ имъ учителемъ и не скупилось на необходимые расходы; не забыло даже помянуть его значительнымъ поминкомъ по смерти. Школа 1632 г. по происхожденію и обстановкѣ была *духовная*, по направленію *православно-греческая*. Мы ничего не можемъ сказать о непосредственныхъ результатахъ существованія школы, но безъ труда можемъ представить себѣ, чего отъ нея ждали и съ какой цѣлью ее основали. Если прочтемъ грамоту, данную Іосифу, то найдемъ, что школа не предназначалась ни для распространенія простой грамотности, ни для насажденія общеобразовательныхъ идей среди учащейся молодежи, „малыхъ робятъ“, какъ выражается грамота. Она имѣла чисто практическую цѣль. Если припомнимъ нѣкоторые факты изъ тогдашней церковной жизни и сопоставимъ ихъ съ тѣмъ, что намъ извѣстно о филаретовской школѣ 1632—34 гг., то легко поймемъ и оцѣнимъ ту практическую цѣль, которую имѣло въ виду московское правительство, заводя „учительный дворъ“. Не входя въ подробное разсмотрѣніе этихъ фактовъ, ограничимся простымъ указаніемъ на нихъ.

При царѣ Михаилѣ снова поднялся трудный и мучительный вопросъ объ исправленіи церковно-богослужебныхъ книгъ, породившій не малую смуту въ началѣ и серединѣ XVII в. и закончившійся отпаденіемъ части членовъ русской церкви отъ

[1]) Каменная келья, да 10 аршинъ камки куфтерю, да сорокъ куницъ на годъ

господствующей церковной власти. Исторія съ преп. Діонисіемъ и Арсеніемъ Глухимъ, а также исторія съ патр. Іосифомъ и Никономъ въ особенности достаточно извѣстны всякому, поэтому мы отмѣтимъ только тотъ переломъ въ вопросѣ объ исправленіи церковно-богослужебныхъ книгъ, который совершился въ XVII вѣкѣ: 1) признали, что дѣло исправленія церковно-служебныхъ книгъ слѣдуетъ начать съ изученія древне-греческихъ текстовъ (попытка сдѣлана была преп. Діонисіемъ и Арсеніемъ Глухимъ, а патр. Никономъ такое исправленіе было объявлено, какъ необходимый законъ) и 2) что справщиками должны быть люди съ обще-богословскимъ развитіемъ и съ достаточнымъ знаніемъ техники того и другаго языка, т. е. славянскаго и греческаго. Это былъ значительный шагъ впередъ въ исторіи нашей культуры. Послѣднее признаніе началось съ рѣзкихъ и страстныхъ нападокъ Арсенія Глухаго на прежнихъ справщиковъ церковно-богослужебныхъ книгъ. То были люди, по мнѣнію старца Арсенія, незнающіе ни православія, ни кривославія, писаніе только по чернилу проходящіе; по мнѣнію же самого церковнаго правительства, оффиціально опубликованному, то были воры и бражники [1]). Характеристика немудреная, но за то приблизительно очень вѣрная. Правительство п. Филарета уже не могло довольствоваться такими своеобразными справщиками. Между тѣмъ, не говоря уже о богословіи и грамматикѣ, простое знаніе языка было распространено очень мало. Было бы очень наивно думать, что греческій языкъ, благодаря традиціоннымъ сношеніямъ съ Византіей, пустилъ у насъ глубокіе корни. Великій князь Василій Ивановичъ за неимѣніемъ человѣка, знающаго греческій языкъ, долженъ былъ обратиться за такимъ на Востокъ, а „византійскій царь на русскомъ престолѣ“, какъ выразился о царѣ Иванѣ П. В. Безобразовъ, посылалъ „робятъ“ учиться греческо-

---

[1]) Акты Арх. экспед. III, № 228; Приб. къ Твор. св. отецъ, III, 152 въ прилож.; *Макарій*, Ист. рус. церкви XI, 189; Правосл. Собес. 1862 г. II, 363; *Соловьевъ*, IX, 385.

Объ Іосифѣ см. *Каптеревъ*, Характеръ отнош. Руси къ прав. Вост. М. 1885 с. 450 и др., *Макарій* l. c. стр. 73, 215; Соловьевъ (впрочемъ, онъ не знаетъ объ учительствѣ Іосифа) IX, 387. Срв. Прав. Обозр. 1887 г. № 1, с. 152.

му языку въ Византію. Любопытно, что этотъ пробѣлъ замѣтили даже со стороны и воспользовались имъ, чтобы очень ядовито и зло посмѣяться надъ нами. Извѣстный іезуитъ Петръ Скарга, очень внимательный наблюдатель нѣкоторыхъ сторонъ современной ему жизни, въ своей книгѣ „О единствѣ церкви Божіей и о греческомъ отъ сего единства отступленіи“ (1577 и 1590 г.г.) писалъ въ порицаніе русскихъ, что у нихъ „и не слыхать о такихъ людяхъ, которые бы знали греческій языкъ старый и новый“. Въ отвѣтъ на этотъ „хульный артикулъ“ какой-то монахъ аѳонскаго монастыря въ сочиненіи подъ заглавіемъ „Христофоръ, инокъ русскій, во святѣй аѳонстѣй горѣ иночествующій“ (изд. 1608) изложилъ рядъ мыслей о характерѣ ученія, какой долженъ господствовать въ русской школѣ. Христофоръ рекомендовалъ учить дѣтей въ школѣ „правовѣрной“, учить сперва грамматикѣ греческой или славянской, потомъ часослову, псалтырю, октоиху, затѣмъ богословію и толкованію книгъ священнаго писанія, но отнюдь не философіи и діалектикѣ, которыми гордятся латиняне и которыя ведутъ къ ересямъ [1]). Въ этомъ и заключалась вся программа филаретовской школы 1632—34 г.г. Церковное правительство первой половины XVII в. не могло не ухватиться за нее, ибо она съ одной стороны какъ нельзя болѣе удовлетворяла его практическимъ требованіямъ, а съ другой не давала ни малѣйшаго повода опасаться, чтобы отъ такого ученія пострадало русское православіе, заразившись латинскою прелестью. Да и потомъ, когда уже окончательно рѣшились отвѣдать латинскаго суемудрія и философскихъ борзостей, эта программа была излюбленной мечтой нѣкоторыхъ представителей церковнаго правительства какъ на Руси, такъ и на Востокѣ, откуда эту программу прислалъ намъ Христофоръ (напр., патр. Іоакимъ московскій и Досиѳей іерусалимскій). Такова одна сторона ожиданій, которыя питало московское правительство, заводя первый „учительный дворъ“. Онъ имѣлъ цѣлью прежде всего образовать людей, способныхъ сидѣть за исправленіемъ церковно-богослужебныхъ книгъ и за переводами

[1]) *Макарій* l. c. X, 403.

съ греческаго языка на славянскій. Пока „учительный дворъ" приготовлялъ такихъ людей, самъ профессоръ этого „двора" долженъ былъ заниматься, по предписанію правительства, переводами греческихъ книгъ на славянскій языкъ.

Чего еще могло ожидать правительство отъ школы 1632—1634 г.г.? Та же грамота отъ 19 сентября 1632 г. поможетъ намъ выяснить и этотъ вопросъ. Изъ грамоты видно, что Іосифъ долженъ былъ заниматься спеціальными переводами книгъ, написанныхъ противъ латинской ереси. Такимъ образомъ учитель и переводчикъ долженъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ играть роль полемиста въ интересахъ православной вѣры противъ иновѣрнаго прельщенія. Мы видимъ предъ собою еще одну чрезвычайно настоятельную нужду церковнаго правительства XVII в. въ людяхъ, способныхъ спорить съ иноземными представителями неправославныхъ христіанскихъ исповѣданій, а позднѣе, во второй половинѣ XVII в., съ представителями раскола старообрядства, хотя противъ послѣднихъ какъ въ XVII в., такъ и XVIII в. не пренебрегали вмѣсто словесныхъ препирательствъ полемизировать батогами, клещами и ссылкой. Этого рода полемика и вызвала столь знаменитый въ нашей культурной исторіи возгласъ Ѳедосьи Морозовой, ученицы знаменитаго протопопа Аввакума, при видѣ потоковъ крови Марьи Даниловой [1]): „это ли христіанство, чтобъ такъ человѣка мучить!" Но такого рода полемика не во всѣхъ случаяхъ была возможна да притомъ она и не была особенно желательна московскому церковному правительству, которое ясно сознавало необходимость борьбы посредствомъ словесныхъ препирательствъ и логическихъ, а не палочныхъ доводовъ. Когда основывалась школа 1632—34 г.г., полемизировать нужно было почти исключительно съ протестантизмомъ. О борьбѣ съ католической пропагандой въ это время нечего и упоминать; отъ этой пропаганды пока еще достаточно защищала Москву запретительная политика ея правительства. Въ Москву безусловно былъ воспрещенъ въѣздъ католиковъ [2]). Москва не тер-

[1]) *И. Е. Забѣлинъ*. Домашній бытъ рус. царицъ с. 141.

[2]) Акты истор. III, № 181, с. 332; Соб. гос. гр. и дог. III, № 85, с. 317 и т. IV, № 203.

нѣла католика. Въ этомъ отношеніи весьма характерно одно преданіе, дошедшее до насъ отъ времени перваго Лжедимитрія. Говорятъ, что на вопросъ одного изъ вельможъ, правда ли, что онъ хочетъ построить въ Москвѣ костелъ для поляковъ, Лжедимитрій отвѣчалъ: „а почему бы мнѣ этого не сдѣлать? Они христіане и оказываютъ мнѣ вѣрныя услуги; вы позволили уже имѣть свою церковь и школу еретикамъ“ (т. е. протестантамъ). Это очень любопытныя для насъ слова, ясно обнаруживающія ту политику различенія по отношенію къ католикамъ и протестантамъ, которой держалось московское правительство и которой далеко не симпатизировалъ Лжедимитрій. Такимъ образомъ возможна была только протестантская пропаганда. Пока довольно трудно сказать, насколько сильна была эта пропаганда. Въ нашей исторической литературѣ господствуютъ относительно протестантской пропаганды въ XVII в. довольно разнообразныя мнѣнія. Покойный Соловьевъ представлялъ себѣ протестантовъ космополитами, равнодушными къ религіозной пропагандѣ. Соколовъ впадаетъ въ противоположную крайность, говоря, что протестанты разставили тайныя сѣти своей пропаганды на всѣхъ путяхъ, при каждомъ соприкосновеніи съ православными [1]). Довольно безпристрастно и цѣльно мнѣніе Д. В. Цвѣтаева, по которому пропаганда велась или отдѣльными лицами, или правительствами протестантскихъ государствъ (славянская типографія въ Стокгольмѣ, заведенная въ 1625 г.; посольство Ганса Мюссенгейма въ 1556 г. отъ датскаго короля Христіана III; Иванъ Рокита въ 1570 г. отъ богемскихъ братьевъ) [2]). Не имѣя собственныхъ полемистовъ, московское правительство должно было довольствоваться переводами съ южно-русскаго. Такъ, въ Москвѣ являются переводы соч. Василія, священника острожскаго, „О единой, истинной православной вѣрѣ и о святѣй, соборной и апостольской церкви“ (въ первомъ десятилѣтіи XVII в.), соч. одного изъ современниковъ Буднаго и Чеховича „О

[1]) *Соловьевъ*, Истор. Рос., т. XIII, с. 218—225; *Соколовъ*, Отношеніе протест. къ Россіи, стр. 242.

[2]) *Д. В. Цвѣтаевъ*. Изъ исторіи иностр. испов. стр. 3—4; „Русскій Вѣст.“ 1887 г., № 4, стр. 619.

образѣхъ, о крестѣ, о хвалѣ Божіей“ (въ третьемъ десятилѣтіи XVII в.) и др. [1]). Учитель Іосифъ долженъ былъ удовлетворять и этой потребности. Такова другая цѣль школы—приготовить людей, способныхъ вести полемику съ протестантами.

Мы видѣли, что школа 1632 г. была недолговѣчна; послѣ нея школьный вопросъ принимаетъ новое направленіе. Изученіе этого новаго направленія и приводитъ насъ къ вопросу о кіевскихъ и вообще южно-русскихъ инокахъ въ Москвѣ въ половинѣ XVII в. Предшествующее изложеніе прямо вводитъ насъ въ самую сущность дѣла.

По смерти учителя Іосифа не разъ посылали за учителемъ на Востокъ, не разъ оттуда являлись въ Москву учителя, но школы все таки не основывалось. Московское правительство находилось въ затруднительномъ положеніи: потребности росли, разнообразились, а удовлетворять имъ не было ни силъ, ни средствъ. Между тѣмъ средства были подъ рукою. Мы ходили за учителями далеко на Востокъ, а этихъ учителей былъ достаточный запасъ въ Кіевѣ, на дорогѣ изъ Москвы въ далекую Византію. Но мы боялись еще нашего юго-запада. Въ 1640 году въ Москвѣ появился посланный кіевскаго митрополита Петра Могилы Игнатій Оксеновичъ Старушичъ съ грамотой отъ митрополита, въ которой читаемъ такое любопытное предложеніе: „повели, пишетъ м. Могила къ царю Михаилу, въ царствующемъ градѣ благодатію и казною своею царскою монастырь соорудить, въ которомъ бы старцы и братія общежительнаго кіевскаго братскаго монастыря живучи, дѣтей боярскихъ и простаго чину грамотѣ греческой и славянской учили“. Въ Москвѣ выслушали челобитную митрополита, спросили, въ какомъ городѣ и во имя какого святаго построить монастырь, и, получивъ въ отвѣтъ, что монастырь надо построить въ Москвѣ, а во имя какого святаго „о томъ какъ онъ, государь, произволитъ“, тѣмъ и удовольствовались [2]). Другія просьбы митрополита уважили, намѣстнику со спутниками дали на дорогу государево жалованье, но ни мо-

[1]) Правосл. Обозр. 1887, № 1, с. 156—7; Русск. Вѣсти. 1887, № 5, с. 279 и № 6 с. 711. Мат. для ист. рас. VI, 143.

[2]) Акты южн. и запад. Росс., III, № 33, стр. 39; № 48, с. 54, стат. 4; № 267.

настырь училищный построить, ни ученыхъ иноковъ вызвать съ юго-запада московское правительство не рѣшилось. Между тѣмъ попытка м. Могилы не осталась безплодною. За мысль Петра Могилы ухватилось частное лицо, съумѣвшее осуществить ее на практикѣ. То былъ знаменитый въ нашей исторіи боярипъ Ѳедоръ Михайловичъ Ртищевъ. Это одна изъ идеальнѣйшихъ личностей XVII в., окруженная цѣлымъ ореоломъ легенды и довольно сбивчиваго въ своихъ показаніяхъ преданія. До насъ дошло, благодаря Н. П. Новикову, любопытное „Житіе милостиваго мужа Ѳедора Ртищева“ [1]). Это горячій панегирикъ Ртищеву, написанный какимъ то противникомъ п. Никона и испещренный похвальными словесами и премудрыми изреченіями; историческаго въ немъ очень мало, но какъ литературный памятникъ, отражающій на себѣ извѣстное настроеніе, онъ очень интересенъ. Если взять за основаніе это „Житіе“, то въ лицѣ Ѳ. М. Ртищева намъ предстанетъ идеальный образецъ истиннаго христіанина, кроткаго, незлобиваго, покорнаго, презирающаго всякія оскорбленія, любящаго науки, съ самоотверженіемъ исполняющаго обязанности государственной службы, помогающаго нищимъ, утѣшающаго скорбныхъ, пользующаго больныхъ, принимающаго странниковъ, нѣжно заботящагося о нуждахъ совершенно чуждыхъ ему людей, выкупающаго христіанъ изъ плѣна агарянскаго, не боящагося сильныхъ міра сего, смѣло встрѣчающаго опасность. „Болѣзни же его и скорби, восклицаетъ панегиристъ Ртищева, кто изчести можетъ? Въ различныхъ бо скорбѣхъ, напастехъ и во искушеніяхъ непреборимъ и въ добродѣтеляхъ своихъ не изнемогаяй, препроводилъ двадесять и пять лѣтъ; ради же оныхъ уврачеванія и никакоже когда восхотѣ пріяти врачеваніе, законному повелѣнію противное“. Таковъ былъ, по преданію старины, человѣкъ, который рѣшился отступить отъ грекоаѳонской школьной программы и воспользоваться предложеніемъ Петра Могилы. Что же собственно предлагалъ московскому правительству южно-русскій митрополитъ?

Митр. Могила предлагалъ царю Михаилу устроить въ Москвѣ довольно обычный на юго-западѣ типъ училищнаго мона-

[1]) Древняя Росс. Вивліоѳика, т. XVIII М. 1791.

стыря, монахи котораго, помимо заботъ о спасеніи своихъ собственныхъ душъ, занимаются просвѣщеніемъ мірскихъ душъ. Обращая вниманіе московскаго правительства на подобный типъ монастыря, Петръ Могила предлагалъ дѣйствительно очень цѣлесообразное средство для удовлетворенія неотложныхъ потребностей московскаго правительства, указанныхъ выше. Выписные южно-русскіе ученые иноки должны были играть роль и учителей, и переводчиковъ, и полемистовъ въ одно и то же время. А эти роли, особенно послѣдняя, были хорошо знакомы южно-русскимъ монахамъ. Любопытно, что въ своемъ предложеніи Петръ Могила умолчалъ о латинскомъ языкѣ: это умолчаніе указываетъ на большой политическій тактъ знаменитаго южно-русскаго митрополита. Мы видѣли, что московское правительство не рѣшалось ни на основаніе монастыря, ни на вызовъ подозрительныхъ для него южно-русскихъ ученыхъ. Но отказаться отъ предложенія совсѣмъ было неразсчетливо, тѣмъ болѣе, что и потребность въ переводчикахъ, справщикахъ, учителяхъ и полемистахъ давала себя знать каждую минуту, православный Востокъ все не доставлялъ подходящаго учителя, а предложеніе было такъ заманчиво, такъ просто. Ѳедоръ Ртищевъ при своей любви къ просвѣщенію могъ явиться удобнымъ посредникомъ между Москвою и юго-западомъ. На что не могло отважиться правительство, то легко было осуществить частному лицу въ интересахъ правительства, какъ послушному орудію въ его рукахъ. Въ случаѣ неудачи предпріятія вина падала не на правительство, а на Ѳедора Ртищева. Такъ по мысли Петра Могилы и при помощи исполнителя этой мысли Ѳ. М. Ртищева явился Андреевскій училищный монастырь на берегу Москвы рѣки близъ Воробьевыхъ горъ, воздвигнутый на *частныя средства* Ртищева. На этомъ мѣстѣ стоитъ теперь приходская церковь Воскресенія Христова, что въ Плѣшницахъ [1]). Вѣроятно, въ то время это былъ очаровательный уголокъ, способный внушать религіозное одушевленіе вмѣстѣ въ побужденіемъ къ философскому самоуглубленію. Какъ

[1]) Такъ церковь эта названа у *Амвросія*, Ист. росс. іерар. М., 1811, ч. III, стр. 99—100.

идиллическая московская окраина, это мѣсто и теперь не лишено нѣкоторой своеобразной прелести. Основатель монастыря былъ однимъ изъ видныхъ членовъ того любопытнаго кружка людей, который группировался вокругъ молодаго царя Алексѣя. Всѣ члены этого кружка были горячіе борцы противъ недостатковъ и пороковъ современнаго духовенства, люди, стремившіеся къ преобразованіямъ въ сферѣ внѣшняго благочестія и благочинія. Это послѣднее обстоятельство впослѣдствіи разъединило ихъ, сдѣлавъ нѣкоторыхъ непримиримыми врагами другъ друга. Это разъединеніе должно было рѣзко выразиться въ ту минуту, когда одинъ изъ новыхъ членовъ кружка, радикальный Никонъ получилъ возможность смѣло и прямо начать крутое реформаціонное движеніе. Къ составу этого передоваго до извѣстной степени кружка въ самомъ началѣ принадлежали: патріархъ Никонъ и протопопъ Аввакумъ, еп. Павелъ коломенскій и боярин Ѳ. М. Ртищевъ, царскій духовникъ Стефанъ Вонифатьевъ и извѣстные впослѣдствіи по расколу попы Иванъ Нероновъ, Даніилъ, Лазарь, Логгинъ. Какъ ни разошлись впослѣдствіи всѣ эти лица, но въ началѣ они были довольно близки другъ къ другу по своимъ основнымъ стремленіямъ. Этотъ кружокъ придумывалъ цѣлый рядъ мѣръ, чтобы истребить „безчинная всякая“.

Монастырь, а съ нимъ и школа, основаны были въ промежуткѣ между 1645 и 1647 г.г.; вызвано было до 30 ученыхъ иноковъ, „изящныхъ во ученіи грамматикѣ словенской и греческой (житіе милостиваго мужа, какъ и предложеніе Могилы, молчитъ о латинской) даже до риторики и философіи, хотящимъ тому ученію внимати“. Такъ впервые завелась въ Москвѣ *греко-латинская* (мы сейчасъ увидимъ, что въ ней, вопреки показанію житія милостиваго мужа, учили и полатыни) школа, впервые учителями въ Москвѣ явились подозрительные „изящные“ иноки—малороссы и бѣлоруссы. Но это была не правительственная школа, а частная; удовлетворять же она должна была главнымъ образомъ потребности правительства, а не общества. Учителями этой частной школы были ученые иноки, прибывшіе по частному, а не по правительственному вызову. Трудно

представить себѣ то увлеченіе „изящными“ иноками, которое на первыхъ порахъ охватило передовыхъ людей. Ртищевъ цѣлыя ночи проводилъ въ бесѣдахъ съ малорусскими учеными.

Въ нашей исторической литературѣ господствуетъ довольно смутное представленіе о ртищевской школѣ и ртищевскомъ ученомъ братствѣ. Читатель замѣтилъ, конечно, что предложенное выше изложеніе довольно рѣзко отступаетъ отъ обычнаго и хронологически, и эпизодически. Мы вовсе не упоминаемъ объ Епифаніи Славинецкомъ и объ извѣстномъ указѣ отъ 14 мая 1649 г. Припомнимъ бѣгло, что у насъ обыкновенно повѣствуется объ этой школѣ: Ртищевская школа основана была вскорѣ послѣ 14 мая 1649 г. бояриномъ Ртищевымъ, вызвавшимъ для этой цѣли, въ числѣ 30 иноковъ, и Епифанія Славинецкаго, который только въ 1652 г. взятъ былъ патріархомъ Никономъ для ректорства во вновь основанной имъ школѣ. Весь этотъ разсказъ [1]) есть чистѣйшій вымыселъ, основанный на цѣломъ рядѣ недоразумѣній и довольно невнимательномъ отношеніи къ источникамъ. Въ заблужденіе вводило обыкновенно упомянутое выше „Житіе милостиваго мужа“, о которомъ вообще замѣчено, что оно почти не даетъ ничего положительнаго. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ было не то.

1) Ртищевъ никогда не вызывалъ Епифанія Славинецкаго, послѣдній никогда не былъ ни членомъ ртищевскаго братства, ни учителемъ греко-латинской ртищевской школы. Епифаній Славинецкій пріѣхалъ въ Москву 27 іюля 1649 г. [2]) не по вызову Ртищева, а по указу царя Алексѣя отъ 14 мая 1649 г. (ниже намъ придется еще упомянуть объ этомъ указѣ), вызы-

---

[1]) См. его у *Сахарова* въ „Утренней Зарѣ“ на 1839 г., стр. 9—13.; у *Голикова* т. XIII, М., 1840, с. 143; у *Берха*, Царств. Алексѣя Михайл. II, 18; у *Щапова*, Рус. расколъ старооб. с. 69; у *Соловьева*, Истор. Россіи, изд. 1877 г. Т. X, с. 150; у *Костомарова*, Рус. Ист. вып. V, с. 386—7; у *м. Макарія*, Ист. рус. церкви Т. XII, с. 51. О др. мелкихъ статьяхъ не упоминаю.

[2]) См. реестръ малороссійскимъ дѣламъ, выписанный м. Евгеніемъ изъ бумагъ московскаго главнаго архива Министерства Иностранныхъ Дѣлъ въ „Молодикѣ“ на 1844 г., изд. П. Бецкимъ, Спб. 1844, стр. 223: „іюня 27 пріѣздъ въ Москву Кіево-братскаго Богоявленскаго монастыря старцевъ Арсенія и Епифанія для риторическаго въ Москвѣ ученія и для переводовъ съ греческаго языка книгъ“.

вавшаго въ Москву Арсенія Сатановскаго и Дамаскина Птицкаго. Еп. Славинецкій, этотъ любопытный типъ неутомимаго кабинетнаго ученаго, и пріѣхалъ вмѣсто Дамаскина. Явившись въ Москву, онъ поселился не въ Андреевскомъ монастырѣ, а на большомъ посольскомъ дворѣ, гдѣ и жилъ до самаго своего переѣзда въ Чудовъ монастырь, т. е. до основанія чудовской школы [1]).

2) Значитъ, патріархъ Никонъ не могъ въ 1652 г. взять Еп. Славинецкаго изъ Андреевскаго монастыря, въ которомъ тотъ не былъ, а потому нельзя говорить, что ртищевская школа въ силу этого прекратила свое существованіе именно въ 1652 г.

3) Утверждать, что съ Епифанія Славинецкаго началось преподаваніе въ ртищевской школѣ, значитъ предполагать основаніе этой школы не ранѣе іюля 1649 г. Между тѣмъ какъ на основаніи дѣла по доносу черпеца Саула слѣдуетъ заключить, что школа была основана ранѣе 1649 года (во всякомъ случаѣ уже при ц. Алексѣѣ, т. е. приблизительно въ 1646 г.).

Въ началѣ 1650 г. производилось слѣдствіе по дѣлу объ ученьи у кіевскихъ старцевъ ртищевскаго вызова, изъ котораго видно, что еще лѣтомъ 1649 г., т. е. когда ученые иноки царскаго вызова еще и не пріѣзжали въ Москву или только что успѣли пріѣхать, двое учениковъ ртищевской школы собирались ѣхать въ Кіевъ, чтобы тамъ доучиваться по латыни. Очевидно, что они, эти знаменитые ученики, не могли учиться у Епифанія Славинецкаго.

Итакъ, южно-русскіе иноки *ртищевскаго* вызова явились въ Москвѣ между 1645—49 гг., иноки *правительственнаго* вызова никогда не были членами ртищевскаго братства. Когда же закрылась ртищевская школа, мы не знаемъ. На основаніи свидѣтельства хорвата Юрія Крижанича [2]), можемъ только сказать, что братство Андреевскаго монастыря существовало еще въ 1666—7 гг., ибо въ это время „бѣлоруски андреевскаго мона-

---

[1]) См. Малорос. дѣла 1650 г. въ „Правосл. Обозр." 1887, № 1, стр. 163 въ любопытной статьѣ Каптерева.

[2]) Описаніе славянскихъ рукоп. Московск. Синод. Библ. А. Горскаго и К. Невоструева, № 283, стр. 388—397.

стыря отци" присутствовали на большомъ московскомъ соборѣ этихъ годовъ [1]).

Ртищевская школа уже далеко отступаетъ отъ извѣстной намъ греко-аѳонской программы Христофора. Вызовъ южно-русскихъ иноковъ и допущеніе въ Москвѣ преподавать латинскій языкъ — цѣлый поворотъ во внутренней политикѣ московскаго правительства. Можно представить себѣ всю важность и новизну этого поворота, совершившагося въ новое царствованіе. Ртищевская школа начинаетъ непрерывное игнорированіе греко-аѳонской программы, но въ умахъ людей греческаго образовательнаго направленія она остается незыблемой. Въ школѣ учили славянскому, греческому и *латинскому* языкамъ, грамматикѣ и, можетъ быть, риторикѣ и философіи. Что въ школѣ учили по латыни и по гречески, это ясно видно изъ упомянутаго мною дѣла по доносу чернеца Саула. „Лучка Голосовъ говорилъ, читаемъ здѣсь, поѣхалъ де... Порфирко Зеркальниковъ, да Иванъ Озеровъ... *до*учиваться у старцевъ, у кіевлянъ, по латыни". Значитъ, Голосовъ и Зеркальниковъ еще въ Москвѣ начали учиться „полатинямъ". О Ртищевѣ то же дѣло замѣчаетъ: „учится де у кіевлянъ Оедоръ Ртищевъ греческой грамотѣ, а въ той грамотѣ еретичество есть". Что касается риторики и философіи, то о нихъ ничего нельзя сказать положительнаго: этимъ предметамъ можетъ быть учили, а можетъ быть и нѣтъ [2]). Вообще же иноки ртищевскаго вызова, по свидѣтельству „Житія", явились въ Москву для обученія русскихъ „свободнымъ наукамъ". Мы ничего не могли сообщить ни о непосредственныхъ результатахъ школы,

---

[1]) Каптеревъ однако предполагаетъ, что Ртищевъ и не думалъ вызывать южно-русскихъ ученыхъ, а это равносильно непризнанію существованія ртищевскаго братства. Мы видѣли, что дѣло по доносу черица Саула опровергаетъ это предположеніе. См. Прав. Обозрѣніе 1887 г., № 1, стр. 163 прим. 30. Срв. проф. *В. О. Ключевскаго* „Боярская Дума" 2 изд., стр. 389—390.

[2]) *Соловьевъ*, Истор. Росс., т. X, изданіе 1877 г., стр. 150. Соловьевъ повторяетъ, очевидно, предметы, упоминаемые въ цитированномъ выше отрывкѣ изъ „Житія милостиваго мужа", но тамъ говорится не о дѣйствительной школьной программѣ, а о томъ, что иноки такъ учены, такъ „изящны", что желающимъ *могутъ* преподавать даже риторику и философію. О преподаваніи же латинскаго языка Соловьевъ умолчалъ.

1632—34 гг., ни объ ея ученикахъ; нѣсколько иначе обстоитъ дѣло съ греко-латинской школой Ртищева. Намъ извѣстно нѣсколько учениковъ этой школы: прежде всего, конечно, самъ основатель ея бояринъ Ѳ. М. Ртищевъ, который „тако о разумѣ, о свѣтѣ души словесныя прилежа, яко во днѣхъ служеніе своего чина исполняя, въ нощѣхъ же, презирая сладостный сонъ, со мужи мудрыми и божественнаго писанія изящными, въ любезномъ ему бесѣдованіи иногда цѣлыя нощи бодростнѣ препровождая и паки ко служенію своего чина обращашеся“; потомъ извѣстны Иванъ Озеровъ и Порфирій Зеркальниковъ, на которыхъ школа съумѣла подѣйствовать такъ обаятельно и серьезно, что они захотѣли доучиваться въ Кіевѣ, пользуясь для того покровительствомъ своего товарища по школѣ Ѳ. М. Ртищева; наконецъ, извѣстенъ Лучка Голосовъ, неважный дворянинъ по происхожденію, превратившійся потомъ въ Лукьяна Тимоѳеевича Голосова и думнаго дворянина [1]). Л. Т. Голосовъ былъ невольнымъ ученикомъ школы, говорившимъ о себѣ, что онъ только манитъ боярину Ртищеву, „а впредь де учиться никакъ не хочу“.

Хотя мы и не знаемъ, какъ долго существовала ртищевская школа, однако можемъ говорить о непосредственныхъ результатахъ преподаванія появившихся впервые въ Москвѣ южнорусскихъ иноковъ, результатахъ очень характерныхъ и любопытныхъ.

1) Видно прежде всего, что школа умѣла завлекать умы учениковъ наукою. Бояринъ Ѳ. Ртищевъ сидитъ у ученыхъ иноковъ „изящныхъ“ цѣлыя ночи напролетъ; Озеровъ и Зеркальниковъ развиваются настолько, что рѣшаются ради еще большей науки ѣхать на родину своихъ учителей, на юго-западъ. Итакъ, школа, въ которой учили южно-русскіе иноки, съумѣла произвести умственное возбужденіе своихъ учениковъ. Мы увидимъ сейчасъ, что преподавателямъ этой школы удалось внести возбудительный элементъ и въ московское общество XVII вѣка. 2) Школа не только возбуждала умы, но и разгорячала страсти; ея преподаватели внесли смуту въ московское общество, заставили

[1]) Срв. *Ключевскій*, Боярская Дума, 2-е изд., стр. 391.

рѣзко обнаружиться извѣстныя образовательныя симпатіи и антипатіи. Южно-русскіе „изящные“ старцы, бывшіе желанными гостями для людей, подобныхъ Ртищеву, оказались терпимыми далеко не всѣмъ составомъ московскаго свѣтскаго, а особливо духовнаго общества. Часть этого общества возстала противъ нихъ подъ видомъ религіозной ревности, въ основѣ которой была добрая доля оскорбленнаго самолюбія. Эта любопытная и весьма поучительная исторія борьбы учителей пришельцевъ съ московскими самоучками можетъ быть предметомъ особой монографіи. Здѣсь важно лишь указать на возникновеніе и ясное выраженіе этой борьбы, которая тянется потомъ чрезъ всю оставшуюся половину XVII вѣка, переходитъ, нѣсколько видоизмѣнившись, въ XVIII вѣкъ и, какъ отдаленное и смутное воспоминаніе, еще разъ появляется въ XIX в. Это страстное возбужденіе московскаго общества особенно усилилось, когда послѣдовалъ второй, уже правительственный, вызовъ южно-русскихъ иноковъ. Но южно-русскіе иноки правительственнаго вызова (Еп. Славинецкій, Арсеній Сатановскій, Дамаскинъ Птицкій) прибыли въ Москву уже въ такое время, когда начали обнаруживаться слѣдствія дѣятельности южно-русскихъ иноковъ ртищевскаго вызова. Позднѣе приливы южно-русскаго иночества въ Великую Русь пріобрѣтаютъ довольно большіе размѣры. Особенно извѣстенъ приливъ южнорусскихъ иноковъ Кутеинскаго монастыря, изъ Орши, Копыса, Мстиславля. Придворный поэтъ, проповѣдникъ и учитель Alexiani Musei Симеонъ Ситіановичъ Полоцкій также принадлежалъ къ числу такихъ выходцевъ.

Южно-русскіе иноки, явившись въ Москвѣ, составили себѣ очень незавидную репутацію; ихъ считали не за православныхъ, а за чужеземцевъ, а порою и прямо за еретиковъ, ибо обрядовая сторона ихъ жизни во многомъ отличалась отъ московской: и молились то они не такъ, и пѣли иначе, и постились не какъ слѣдуетъ, не по московски, и философію почитывали, да и еретической „латынской грамоты“ не были чужды. А мы знаемъ, какую роль сыграла въ Москвѣ привычка къ изстари установившемуся, хотя бы и неправильному, обряду. Ни кнутъ, и батоги, ни клещи, ни огонь, ни мягкое и теплое слово увѣщанія не

выбили у многихъ московскихъ людей этой старой привычки къ разъ установившемуся обряду. Да и не только въ Москвѣ, но и въ другихъ мѣстахъ Великой Руси южно-русскіе иноки производили то же впечатлѣніе. Нельзя объяснять это явленіе только тѣмъ, что южно-русскіе иноки выступили въ Москвѣ противниками приверженцевъ самобытнаго чисто русскаго просвѣщенія и принципіально разошлись чуть не со всѣми членами упомянутаго выше кружка. Принципіальная рознь играла, конечно, главную, но далеко не исключительную роль. Сюда примѣшались и оскорбленная гордость московскихъ самоучекъ, и неосторожное поведеніе самихъ пришельцевъ. Пришельцы не пошли по пути постепенной и мирной борьбы изъ за принципа. Привыкнувъ у себя дома къ рѣзкой и безпощадной полемикѣ, на которую иногда слишкомъ много тратилось трудовъ и дарованій, они и здѣсь, въ Москвѣ, продолжали эту привычную имъ полемику: перемѣнился только предметъ нападенія. Пришельцы стали гордо и свысока смотрѣть на уважаемыхъ московскихъ учителей-проповѣдниковъ, искоренявшихъ „безчинная всякая“ и пользовавшихся немалымъ уваженіемъ среди недалекаго по своему умственному развитію московскаго общества. Да и ученики этихъ пришельцевъ, по примѣру своихъ учителей, не спускали устарѣвшимъ теперь московскимъ авторитетамъ. Въ дѣлѣ по доносу черпеца Саула мы читаемъ любопытныя строки о Зеркальниковѣ и Озеровѣ, молодыхъ ученикахъ южно-русскихъ иноковъ, отправлявшихся доучиваться въ Кіевъ; эти строки весьма рельефно рисуютъ намъ отношеніе той и другой стороны другъ къ другу. Лучка Голосовъ, невольный ученикъ ртищевской школы, совѣтовалъ воротить Порфирку и съ Ивашкой и не допустить ихъ до Кіева во избѣжаніе великихъ съ ними хлопотъ—„и такъ де они всѣхъ укоряютъ, и ни во что ставятъ благочестивыхъ протопоповъ Ивана (Неронова) и Степана (Вонифатьева) и иныхъ: враки де они вракуютъ, слушать у нихъ нечего, и себѣ имени не вѣдаютъ, учатъ де, про то ничего не знаютъ, чему учатъ“. Повидимому, и вообще поведеніе южно-русскихъ иноковъ не всегда отличалось достаточною строгостью. По крайней мѣрѣ, одинъ документъ 1669 года въ очень мрачномъ видѣ рисуетъ

намъ поведеніе южно-русскихъ иноковъ. Но мы должны очень осторожно имъ пользоваться, ибо онъ вышелъ изъ не совсѣмъ безпристрастнаго источника. Принимать характеристику, какую дѣлаетъ этотъ документъ, вполнѣ невозможно, но канву, на которой черезъ чуръ усердно подобраны мрачныя краски, мы должны считать болѣе или менѣе прочной. Документъ этотъ— отписка властей Иверскаго монастыря къ архимандриту Чудова монастыря Іоакиму отъ 16 марта 1669 года [1]). Власти Иверскаго монастыря просятъ не присылать къ нимъ бывшаго игумена Андреевскаго монастыря Петронія. „Тотъ Петроній, читаемъ въ отпискѣ, человѣкъ крамолистой, своеобычной, не общежительной: какъ и прежъ сего былъ въ Андреевскомъ монастырѣ игуменомъ, и онъ всю братію бунтовалъ и всякія крамолы чинилъ; а у насъ потому жъ братію учнетъ бунтовать и крамолы чинить, потому что человѣкъ своеобычной, необщежительной; намъ и безъ него братію надобь пасть и воздержать. И прежъ которые у насъ въ Иверскомъ монастырѣ были Андреевскаго монастыря старцы, и они за смуту и за бунтовство высланы изъ монастыря вонъ; и нынѣ того жъ монастыря Андреевскаго іеромонахъ Анастасій, будучи у насъ, говоритъ и бьетъ челомъ, чтобъ отнюдь тотъ Петроній въ Иверскомъ монастырѣ не былъ, потому что человѣкъ развратной и своеобычной". Такъ изъ провинціи въ Москву писали, что старцы Андреевскаго монастыря бунтовщики и смутьяны. Пришельцы нарушили спокойное теченіе монастырской жизни по неподвижно установившейся табличкѣ, напали на незыблемые до нихъ авторитеты, соблазняли нѣсколько болѣе свободной жизнью, наконецъ, прямо возбуждали противъ себя нѣчто въ родѣ національной ненависти. О поселившихся въ Иверскомъ Святоозерскомъ монастырѣ инокахъ Оршинскаго Кутеинскаго монастыря иверскіе старцы писали въ Москву: „наша русская грамота съ кутеинскою не сойдется, съ ними вмѣстѣ по ихъ пѣти и чести не умѣемъ, и они нашихъ крылосныхъ людей, священниковъ и дьяконовъ поставили подъ стѣною и ихъ не взлюбили... а священника теперь у насъ въ

[1]) Русск. Истор. Библ. Спб. 1878, т. V, № 276, с. 742—744.

монастырѣ *нашей русской вѣры* нѣту ни единого, и намъ помереть безъ покаянія“ [1]).

Итакъ, въ извѣстной части русскаго духовнаго и свѣтскаго общества установилось чрезвычайно враждебное настроеніе къ южно-русскимъ пришельцамъ: то была вражда по внѣшности чисто религіозная, на дѣлѣ же въ сильной степени происходившая отъ оскорбленнаго самолюбія и фанатической узости взгляда. Любопытно, что наравнѣ съ южно-русскими пришельцами ненависть эту возбуждали и ревнители греческаго ученія, и сами греки. Достаточно даже мелькомъ проглядѣть дошедшія до насъ раскольническія челобитныя, чтобы видѣть всю силу возбужденія противъ грековъ. Особенную извѣстность получили въ нашей литературѣ слова Ивана Неронова, обращенныя къ царю Алексѣю. „Молимъ тя, государя, писалъ Ив. Нероновъ отъ 27 февраля 1654 г., *иностранныхъ* иноковъ, кромѣ Богомъ избранныхъ, истинѣ неразвратниковъ, благочестію ругателей и ересемъ вводителей въ совѣтъ не принимай: зримъ бо въ нихъ, государь, ни едину отъ добродѣтелей“. То же выражалъ Ив. Нероновъ и въ личной бесѣдѣ съ патріархомъ Никономъ, бѣжавъ въ Москву изъ Кандалажскаго монастыря. „Святитель, гордо заявлялъ Нероновъ и. Никону, иноземцевъ ты законоположеніе хвалишь и обычаи тѣхъ пріемлешь. А мы прежде сего у тебя же слыхали, что многажды ты говорилъ намъ: гречяне де, да и *малые Россіи* потеряли вѣру и крѣпости добрыхъ нравовъ нѣтъ у нихъ“ [2]).

Такимъ образомъ сперва *частный* вызовъ южнорусскихъ иноковъ (между 1645—49 гг.), а потомъ *правительственный* [3]) въ 1649 г. повели къ раздору среди русскаго общества и окончательному сложенію образовательныхъ направленій XVII в. Съ этихъ поръ, т. е. съ половины XVII в., можно о каждомъ изъ образовательныхъ направленій говорить въ отдѣльности. То были: 1) *ультра-русское* направленіе, одинаково ненавидѣвшее и греческую, и латинскую грамоту; его задушевною мечтою было остаться при скудномъ запасѣ тѣхъ образовательныхъ средствъ,

---

[1]) Ib. № 57, ст. I, стр. 137—8.

[2]) Матер. для исторіи раскола, Т. I, стр. 66, 67, 150.

[3]) П. Соб. Зак. I. № 7.

какія выработала старая Русь; 2) *греческое*, стоявшее за исключительное изученіе греческаго языка и византійской науки и ненавидѣвшее „латинскую ересь“ и 3) *латинское*, стремившееся исключительно къ изученію латинскаго языка и западной науки, презиравшее греческій языкъ и византійскую науку.

Каково же было направленіе южно-русскихъ пришельцевъ? Они первоначально раздѣлились. Часть ихъ, повидимому очень небольшая, съ Епифаномъ Славинецкимъ во главѣ, стала во главѣ греческаго направленія. Большинство было на сторонѣ третьяго направленія. Появленіе этого третьяго направленія довольно вѣрно умѣли объяснять уже въ XVII вѣкѣ. Говоря о происхожденіи неправославныхъ мнѣній среди московскаго общества, патріархъ Іоакимъ такъ объяснялъ себѣ это явленіе: „юноши нѣціи царствующаго града Москвы восхотѣли отъити въ польское кралевство ради ученія латинскаго. Иже отшедши и учащеся въ латинскихъ училищахъ, и яко ученицы въ слѣдъ своихъ учителей ходяще въ костелы латинскія“ [1]) и т. п. Другой причиной появленія неправославныхъ мнѣній было присутствіе въ Москвѣ выходцевъ изъ Польши и юго-западной Россіи.

За какимъ же направленіемъ послѣдуетъ московское правительство XVII в. въ своемъ стремленіи завести школу? Очевидно, что ни за однимъ изъ нихъ исключительно, ибо для правительства XVII вѣка школа не была мѣстомъ для пропаганды того или другаго мнѣнія или направленія, а была только средствомъ для удовлетворенія насущныхъ государственныхъ потребностей. Правительство шло не за *направленіями умовъ общества*, а за *матеріальными его потребностями*. Вотъ почему отъ характера этихъ потребностей зависѣла и программа правительственныхъ школъ.

Актомъ 14 мая 1649 года было признано оффиціальное положеніе южно-русскихъ иноковъ въ Москвѣ; правительство оффиціально и всенародно объявило, что оно нуждается въ нихъ и ищетъ у нихъ духовной помощи. Этотъ актъ имѣетъ огромное значеніе въ исторіи нашего просвѣщенія. Онъ узаконилъ частный

[1]) Опис. рук. моск. син. биб. II, 3, № 291, стр. 431—432.

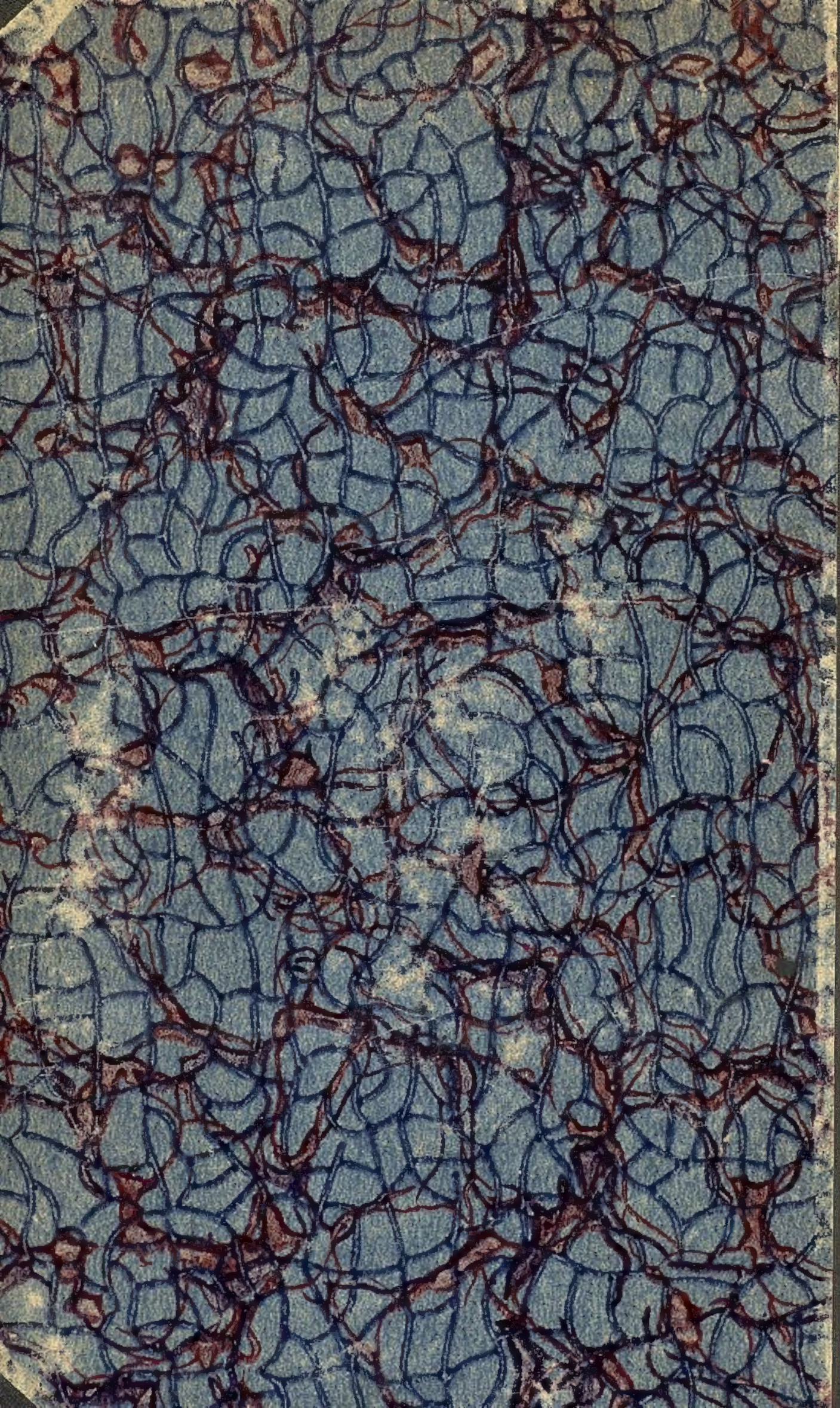
ртищевскій вызовъ со всѣми его многообразными послѣдствіями Съ тѣхъ поръ стали въ Москвѣ безъ страха учиться латинскому языку, стали стремиться на юго-западъ для той же науки. Такова роль и значеніе южно-русскихъ ученыхъ монаховъ въ исторіи нашего просвѣщенія.

Закончимъ нашу статью общей схемой, по какой шло движеніе у насъ образованія въ XVII вѣкѣ. Заботы объ образованіи въ XVII в. возбуждаются главнымъ образомъ путемъ усиленнаго роста государственныхъ и церковныхъ потребностей или отчасти побужденіями извнѣ (съ православнаго Востока). Заботы эти выражаются въ стремленіи основать постоянную школу съ наиболѣе цѣлесообразно для удовлетворенія потребностей выработанной программой (вызовы ученыхъ и учителей) и въ посылкѣ молодыхъ русскихъ за границу въ началѣ и концѣ вѣка.

Потребности же, которыя не давали покоя московскому правительству, заставивъ его до извѣстной степени дѣятельно приняться за народное образованіе, были слѣдующія: 1) потребности церкви: a) въ ученыхъ справщикахъ для исправленія церковно-богослужебныхъ книгъ и переводовъ съ греческаго, b) въ просвѣщенныхъ духовныхъ для борьбы съ протестантизмомъ и расколомъ. 2) Потребности государства: a) въ образованной бюрократіи, способной понимать задачи и цѣли государства, b) въ людяхъ для дипломатическихъ сношеній и переводчикахъ съ иностранныхъ языковъ для посольской канцеляріи.

В. Н. Сторожевъ.

Дозволено ценз. Кіевъ, 9-го января 1890 г.

Типографія Г. Т. Корчакъ-Новицкаго, Михайловская ул., домъ № 4-й.

2007044112